

Несогласие как центральный концепт политической философии Ж. Рансьера

© М.А. Максимов

МГТУ им. Н.Э. Баумана, Калужский филиал, Калуга, 248000, Россия

В статье рассматривается концепт «несогласие» на примере политико-философского подхода Ж. Рансьера к анализу политической деятельности. Проводится критический разбор основных положений и терминов данного подхода. Исследуется проблематика конструктивного изменения в современной политической системе.

Ключевые слова: политика, полиция, несогласие, политическое участие, демократия, конфликт, консенсус.

Под концептом в современной философии может пониматься акт схватывания смыслов вещи (проблемы) в единстве речевого высказывания [1, с. 306–307], заключающийся в традиции представлений, получившей общественное признание [2, с. 6]. В рамках же политической философии происходит изучение различных концептов, содержание которых в свою очередь напрямую зависит от реально существующих различных политических процедур и социальных систем. Индивид как участник политического действия может быть представлен как спектр нереализованных политических возможностей. При этом сущностная спорность понятия власти позволяет квалифицировать несогласие как «постоянное свойство политического дискурса» [2, с. 39].

В настоящее время особую значимость обретают различные политические практики, которые представляются позитивными возможностями реального участия в историческом процессе. Конструктивная оценка данных практик (и, соответственно, переосмысление концепта «несогласие») сегодня является характерной для представителей *консенсусного* подхода к анализу общественно-политической реальности (Ю. Хабермас) и приверженцев *конфронтационного* подхода — «постмарксистов» (Э. Лакло, Ш. Муфф, А. Бадью, Ж. Рансьер и др.). Таким образом, одни теоретики полагают «политическое» пространством свободы и публичного обсуждения, другие считают его пространством власти и постоянно возобновляющегося несогласия.

Действительно, с одной стороны, политические вопросы являются техническими и должны решаться экспертным сообществом. С другой, они всегда включают в себя решения, которые требуют вы-

бора между конфликтующими альтернативами. Так, например, Хабермас в своих работах часто выражает уверенность в возможности рационального согласия граждан (консенсуса) путем свободной дискуссии [3]. С позицией Хабермаса не соглашаются представители «постмарксизма», для которых концепт «несогласие» является основополагающим в процессе анализа современных политических процессов. В рамках такого подхода политическое действие не становится способом преодоления борьбы между различными социальными субъектами, но выступает в качестве иного способа конфликта. Каким же образом происходит развитие конкретной политической деятельности в форме конфликта? Чтобы попытаться ответить на этот вопрос, следует подробнее рассмотреть в статье один из вариантов конфронтационного подхода, а именно концептуальные идеи Ж. Рансьера.

Жак Рансьер (род. в 1940 г.) — французский философ и политический теоретик, почетный профессор университета Париж VIII (французский государственный университет в пригороде Парижа). Университет является наследником экспериментального центра Венсен, созданного для модернизации высшего образования после майских событий 1968 г. В основании этого учебного заведения участвовали такие знаменитые философы своего времени, как Мишель Фуко, Жиль Делёз, Жан Франсуа Лиотар и др. В университете модернизируются отношения между студентами и профессорами, он открыт для студентов без степени бакалавра, который во Франции является аттестатом об окончании школы и дает право на поступление в вуз. Многие лекции читаются вечером, что значительно облегчает учебу уже работающим студентам.

Безусловно, творческая атмосфера в таком образовательном учреждении мотивировала Рансьера посвятить долгие годы изучению социально-исторической составляющей знания в актуальном политическом контексте. В своем фундаментальном труде «Несогласие» (1995) автор предлагает яркий и оригинальный способ понимания и интерпретации политической деятельности через метафоры разделения и разрыва, которые переплетаются в центральном концепте — «несогласие». В качестве отправного пункта своего размышления Рансьер констатирует факт плачевного, на его взгляд, состояния политической теории, которая занимается в основном легитимацией форм либерально-демократического государства и стремится адаптироваться к требованиям мирового рынка, участвуя в распределении прибылей. По мнению исследователей творчества Рансьера [4, с. 15], в своей проблематизации он устремляется к истоку европейской философии, опирается на идеи Платона и Аристотеля, а также марксистскую теорию. Именно эти известные концепции предоставляют Рансьеру широкий материал для переосмысления современных политических явлений.

Свои взгляды Рансьер кратко сформулировал так: «Я убежден, что политика означает не осуществление власти, а — в гораздо большей степени — выделение некоего сообщества. Сообщества, в котором все разделяется по принципу способности объекта к выполнению определенной задачи. Что есть политическое сообщество? Почему вообще существует такая вещь, как политика? Я бы сказал, что политика существует за отсутствием естественного закона, по которому люди разделялись бы на категории правящих и управляемых. Политика существует в той же степени, в которой есть, так сказать, нестыковка объектов, функций, мест. В этом, на мой взгляд, и заключается основной парадокс политики» [5].

Получается, что для Рансьера политика — это деятельность по переустройству социального порядка в отдельно взятом сообществе людей. Ключом к пониманию политики является идея равенства, так как именно выстраивание, созидание той или иной формы равенства можно считать сутью политического. То, что в обыденном представлении называется «политической деятельностью», Рансьер именует полицией. Полиция — это не столько деятельность, сколько имя самовоспроизводящегося порядка, это непроблематичное самовоспроизведение того или иного порядка. Полиция не способна создать ничего нового, она только может более или менее успешно хранить созданный политикой порядок. Вся активность полиции сводится к функции хранителя и надзирателя. Если политика является процессом масштабной перестройки системы, то полиция — формальное поддержание исправности функционирования социального устройства.

По мнению Рансьера, определенная часть упорядоченного социума призвана осознать себя ущемленной и способной преодолеть свою ограниченность. Далее незамедлительно следует желание перестроить данный порядок. Логика политического в том, что некоторые группы людей отождествляют себя с определенным сообществом на основании неправоты, которая непрестанно осуществляется в их адрес (греческий демос, римские плебеи, новоевропейские пролетарии и т. д.). Именно из-за существования некоторого процента обездоленных сообщество и существует как политическое — т. е. разделенное серьезной дискуссией по поводу учета его частей.

Однако невозможность организовать социум таким образом, чтобы он всегда устраивал все группы интересов, вызывает перманентное нарастание недовольства сложившимся порядком. Итак, постепенная смена политики и полиции и будет выражать для Рансьера процесс становления политического. Политика тем самым становится редким событием в общественной жизни. Политика прекращает свое существование, если все части сообщества образуют целое, если все эти части сводятся к этому целому без остатка. Поэтому для существования политики более важно несогласие, чем консенсус.

Что касается современных обществ, Рансьер указывает на их важнейшую структурную характеристику — «управление без политики», которое «редуцирует (сводит) народ к сумме подсчитываемых без остатка частей населения, к группам по интересам и по мнениям, равновесие коих обеспечивается государством». Режим, где происходит фактическое упразднение политики, обозначается как «постдемократия». В таком режиме «демократия ограничивается возможностью образования консенсуса», при котором «общество само по себе непротиворечиво, самодостаточно и идентично самому себе» [6]. В таком политическом режиме все больше доминирует технологический метод консенсуса — «правительство самых умных, совершенно естественно возникающее из правил научной институции, чтобы как следует провести точно рассчитанное управление бесконечным множеством больших и малых очагов наслаждения» [7, с. 62]. Согласно Рансьеру, сущность консенсуса — не мирная дискуссия и разумное согласие, противопоставленные конфликту и насилию. Консенсус — это сведение политики к полиции. Это конец политики, т. е. не реализация ее целей, а попросту возвращение «нормального» положения вещей, несуществования политики.

По Рансьеру, политику в полном смысле слова делают только те, кто не согласен со статусом-кво, как правило, не принимаемые во внимание группы и индивиды. То есть субъектом политического действия становятся группы, которые занимаются политикой как искусством, ради «чистого самопредъявления». Причем если данные группы добиваются признания и инкорпорируются в фиксированные социальные структуры, то перестают являться участниками политического действия. Таким образом, многие проявления политической активности в современном государстве являются лишь ее видимостью. Эти проявления относятся к сфере полиции или к сфере государственной идеологии — такие организации и процессы руководствуются «мотивом исключения других» и способствуют распространению ксенофобии. Как пишет Рансьер: «Подлинное участие — это изобретение того непредусмотренного субъекта, который сегодня перегораживает улицу; того движения, которое не может родиться из чего-либо, кроме самой демократии. Гарантия устойчивости демократии — не заполнение всех пустых времен и пространств формами участия или контрвласти; это обновление деятелей и форм их действий, это всегда открытая возможность для нового появления то возникающего, то исчезающего субъекта» [7, с. 97]. То есть новые участники политического процесса, демонстрирующие претензию на равенство с другими, выражают одновременно несогласие с фактом несправедливого их исключения из наличного политического пространства.

Поэтому «свободная игра конфликтов» и разногласий, по мнению Рансьера, предпочтительнее, нежели «технологическое управление мас-

сами» с официальной позиции, исключая других субъектов политического. Положительный смысл несогласия возникает, когда в конфликте утверждается равенство одних групп с определенными политическими интересами другим группам с иными интересами.

С нашей точки зрения, Рансьер справедливо указывает на то обстоятельство, что «ситуация политической аргументации всегда должна отвоевываться у уже существующего и постоянно воспроизводимого разделения на язык проблем и язык приказов» [8, с. 76]. То есть сам концептуальный аппарат политической теории может быть провластным, и коммуникация между различными политическими участниками может навязываться с позиции силы для увеличения властных полномочий. В центре любой политической дискуссии находится, прежде всего, первичное несогласие по поводу понимания сущности политического. Отсюда парадокс существования в политической сфере — последняя становится «сценой», на которой общность возникает благодаря спору и конфликту. Например, «рабочий-субъект, который заставляет считаться с собой как с участником диалога, должен вести себя так, будто эта сцена существует, будто имеется общий мир аргументации, что в высшей степени разумно и в высшей степени неразумно, в высшей степени мудро и категорически разрушительно, поскольку такого мира не существует» [8, с. 80]. Тем самым стороны конфликта еще должны доказать себе и другим, что они действительно понимают объект дискуссии, доказать свое право на спор и несогласие. Например, на протестной демонстрации или митинге и происходит создание публичного пространства, где аргументация несогласных способна быть воспринятой другими. Если же все участники политического действия изначально согласны во всем, что касается данного действия и его целей, то общность может пошатнуться. В итоге «миры общности парадоксальным образом становятся мирами расхождения во взглядах» [8, с. 92]. И «постдемократический» консенсус не способен гарантировать стабильное существование различным субъектам политической деятельности как раз в силу первичного несогласия с терминологией, содержанием и смыслом политической реальности.

Безусловно, следует критически подходить к анализу основных положений политической теории Рансьера. На наш взгляд, можно выделить два главных спорных момента.

1. Рансьер, анализируя концепт «несогласие», практически не акцентирует внимание на реально происходящем процессе развития государственных институтов (например, партийного строительства). Поскольку для Рансьера, видимо, логика «несогласия» не совместима с логикой парламентских партий, то можно предположить, что деятельность новых субъектов политики не будет обладать определенной степенью демократичности. При этом сложно представить себе,

каким образом новый политический порядок способен оформляться фактически «извне» тех или иных государственных структур.

2. Рансьер полагает, что центральной фигурой политической деятельности в современном мире будет являться активист, но не принадлежащий к существующим политическим структурам. Как известно, любой конструктивный политический процесс отличается своей организованностью. У Рансьера можно увидеть конфронтацию одиноких активистов с «постдемократической» государственной системой, причем гегемония последней является практически нерушимой. И этот процесс конфронтации (скорее стихийной, чем организованной) призван сменить прежний политический курс, обозначенный консенсусом различных партий. Но каким образом произойдет данная трансформация политического курса и куда она приведет граждан — этот принципиально важный аспект проблематики остается непроясненным.

Как считает современный французский философ А. Бадью, в трудах Рансьера можно наблюдать сочетание неуверенности с нежеланием подводить итоги собственного исследования: «его книги не содержат ни выводов, ни директив, но лишь задают условия остановки. Вы узнаете то, чем политика не должна быть, вы также узнаете, чем политика когда-то была и чем она уже не является, но никогда не узнаете, чем она является в реальности, а еще меньше — о том, что следует делать, чтобы политика существовала» [9, с. 193]. Другими словами, концептуализация «несогласия» у Рансьера во многом отражает отсутствие политического потенциала у формально имеющих институты, но при этом не обосновывается должным образом актуальная возможность существования политической деятельности «здесь и теперь». По сути, происходит отрицание положительной роли трансформаций политических структур в современном мире.

Однако сложно не согласиться с Рансьером в его критике формального подхода к развитию демократии. Ведь даже если рациональная дискуссия является наиболее верным способом решения политических проблем, то способность убеждать не означает автоматического перехода к более демократическому и открытому состоянию политической системы. Посредством публичных дебатов далеко не всегда происходит рост знания о политической действительности и определяется единственно верное решение политических проблем. Различные участники дебатов могут прийти к взаимоисключающим выводам в процессе решения актуального политического вопроса. То есть чем активнее культивируется самостоятельная политическая позиция индивидов, тем труднее принять решение. Другими словами, чем выше сложность социальной среды и политической системы, тем труднее контролировать процесс решений и прогнозировать их ре-

зультаты [10]. Но в итоге публичного обсуждения могут возникнуть более солидные основания политических программ. Поэтому необходимо постоянно уточнять социальные ожидания различных политических субъектов и стремиться выработать последовательную программу демократического процесса.

В заключение можно сказать, что политическая теория Рансьера представляет немалый интерес в контексте бурных политических процессов современности, и при этом данная теория требует определенной критической дистанции хотя бы из проблемы организованности политического действия и ценностных ориентаций политического активизма, который у Рансьера предстает в довольно радикальном свете и далеко не всегда способен привести к позитивным изменениям в современном государстве.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Неретина С.С. Концепт. *Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 2.* Москва, Мысль, 2001.
- [2] Макаренко В.П. Политическая концептология: первые итоги разработки. *Политэкс*, 2007, № 4, с. 5–45.
- [3] Хабермас Ю. *Вовлечение другого. Очерки политической теории.* Санкт-Петербург, Наука, 2001, 417 с.
- [4] Карчагин Е.В., Сивков Д.Ю. Политика, философия и справедливость в интерпретациях А. Бадью и Ж. Рансьера. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии*, 2014, № 2, с. 12–19.
- [5] Рансьер Ж. Искусство – это ненаправленный взрыв. *Радио Свобода*. URL: <http://www.svoboda.org/content/article/163384.html>
- [6] Ranciere J. *Hatred of Democracy*. London, New York, Verso, 2006, 106 p.
- [7] Рансьер Ж. *На краю политического*. Москва, Праксис, 2006, 240 с.
- [8] Рансьер Ж. *Несогласие*. Санкт-Петербург, Machina, 2013, 192 с.
- [9] Бадью А. *Можно ли мыслить политику?* Москва, Праксис, 2005, 240 с.
- [10] Дзола Д. *Демократия и сложность: реалистический подход*. Москва, ВШЭ, 2010, 320 с.

Статья поступила в редакцию 01.06.2015

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Максимов В.А. Несогласие как центральный концепт политической философии Ж. Рансьера. *Гуманитарный вестник*, 2015, вып. 7.
URL: <http://hmbul.bmstu.ru/catalog/hum/phil/276.html>

Максимов Михаил Александрович — канд. филос. наук, доцент кафедры философии и политологии Калужского филиала МГТУ им. Н.Э. Баумана.
e-mail: mikecloud@mail.ru

Disagreement as the central concept of J. Rancière's political philosophy

© M.A. Maksimov

Bauman Moscow State Technical University, Moscow, 105005, Russia

The article deals with the concept “disagreement”. To provide better understanding of the concept it investigates political and philosophical approach of J. Rancière to analysis of political activity. The author reviews and critically estimates fundamentals and terms of this approach. He looks into the subject matter of the constructive change in the modern political system.

Keywords: policy, police, disagreement, political participation, democracy, conflict, consensus.

REFERENCES

- [1] Neretina S.S. Kontsept. *Novaya Filosofskaya Enciklopediya* [New Philosophical Encyclopedia]. In 4 vols. Vol. 2. Moscow, Mysl Publ., 2001.
- [2] Makarenko V.P. *Politeks – Political Expertise Journal*, 2007, no. 4, pp. 5–45.
- [3] Habermas J. *Die Einbeziehung des Anderen. Studien zur politischen Theorie*. [In Russian: Khabermas Yu. Vovlechenie drugogo. Ocherki politicheskoi teorii. Saint Peterburg, Nauka Publ., 2001, 417 p.]
- [4] Karchagin E.V., Sivkov D.Yu. *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 7. Filosofiya. Sociologiya i Socialnye Tekhnologii – Science Journal of Volgograd State University. Philosophy. Sociology and Social Technologies*, 2014, no. 2, pp. 12–19.
- [5] “Zhak Rans'er: Iskusstvo – eto nenapravlennyi vzryv [Jacques Rancière: Art is a non-directed blast]. *Radio Svoboda* [electronic resource]. Available at: <http://www.svoboda.org/content/article/163384.html>
- [6] Ranciere J. *Hatred of Democracy*. London; New York, Verso, 2006, 106 p.
- [7] Rancière J. *Aux bords du politique*. [In Russian: Rancière Zh. Na krayu politicheskogo. Moscow, Praksis Publ., 2006, 240 p.]
- [8] Rancière J. *La mésentente: Politique et philosophie*. [In Russian: Rancière Zh. Nesoglasie]. Saint-Petersburg, Machina, 2013, 192 p.]
- [9] Badiou A. *Peut-on penser la politique?* [In Russian: Badiou A. Mozhno li myslit' politiku?]. Moscow, Praksis Publ., 2005, 240 p.
- [10] Dzola D. *Complessità e democrazia. Per una ricostruzione della teoria democratica*. Torino, 1987. [In Russian: Dzola D. Demokratiya i slozhnost': realisticheskii podkhod]. Moscow, VShE, 2010, 320 p.

Maksimov M.A., Ph.D., associate professor of the Department of Philosophy and Political Sciences at Kaluga branch of Bauman Moscow State Technical University.
e-mail: mikecloud@mail.ru